

Ши Чуся не совсем понимал, почему сегодня все вокруг, включая Се Минъюаня, так сильно его боятся. Ведь его благодетель — человек невероятно мягкий и добрый, который столько раз помогал ему и защищал его!

В этот момент Ши Чуся ужасно жалел, что забыл свой телефон в отеле внизу, иначе он мог бы спокойно поискать в интернете, как ухаживать за человеком, который напился и заболел жаром.

Он долго вспоминал, как в старшей школе, во время зимних каникул, мама заботилась об его брате, когда тот температурил. Ши Чуся тут же бросился в ванную, нашел два полотенца, намочил их прохладной водой и начал по очереди прикладывать к голове Се Чэньвэя, чтобы сбить жар.

Полотенца он сменил уже дважды, но вот незадача: лицо и шея Се Чэньвэя всё равно оставались горячими. К тому же кондиционер уже был выставлен на шестнадцать градусов, а что, если он так и продолжит гореть и в конце концов сгорит дотла? Поразмыслив, Ши Чуся осторожно откинул одеяло и попытался расстегнуть одежду Се Чэньвэя, чтобы охладить его тело.

Ши Чуся полагал, что если будет действовать достаточно аккуратно, то не разбудит Се Чэньвэя, как это бывало раньше в его общежитии. Но как раз в тот момент, когда он расстегивал последнюю пуговицу на рубашке, его пальцы вдруг коснулись... Ши Чуся замер.

Больше не в силах терпеть, Се Чэньвэй внезапно открыл глаза и одним резким движением прижал Ши Чусю к кровати, оказавшись сверху.

Ши Чуся испугался такой внезапности, его голова оказалась прижата к груди Се Чэньвэя. Однако, услышав сильное, ровное сердцебиение, он вдруг перестал нервничать.

Распахнув свои чистые, ясные янтарные глаза, он вдруг подался вперед и сам поцеловал Се Чэньвэя. Это было легкое, как прикосновение крыльев стрекозы, касание губ, после чего он тут же отстранился и, совсем как четыре года назад, потерся своей щекой о его лицо. Намерение Ши Чуся было совершенно очевидным: он очень хотел, чтобы Се Чэньвэй вспомнил его сам.

Се Чэньвэй замер на секунду. Этот внезапный поцелуй на мгновение выбил его из колеи, и он никак не мог взять в толк, как этот юноша перед ним может с такой естественной лёгкостью соблазнять взрослого мужчину. Наконец он спросил:

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Конечно. Ты мне нравишься, поэтому мне нравится целоваться с тобой, — с усердием кивая, пояснил Ши Чуся.

Се Чэньвэй облизнул пересохшие губы и, словно больше не в силах сдерживаться, протянул

руку и потрогал ободок с кошачьими ушками.

Ши Чуся смущённо попытался снять его — та компания заставила его надеть эту вещь в обязательном порядке, потому что только так можно было соответствовать теме вечеринки, посвящённой зверолюдям.

Но Се Чэньвэй остановил его движение и хриплым голосом произмолвил:

— Оставь.

Оперевшись руками по обе стороны от юноши, Се Чэньвэй смотрел на его припухшие, влажные алые губы, и от этого его тело охватил ещё больший жар. Несмотря на всю инициативу мальчика, он всё же задал вопрос:

— Тебе уже исполнилось восемнадцать? Почему мне кажется, будто я совершаю преступление?

— Конечно, мне ведь уже девятнадцать, — ответил Ши Чуся. — И ещё... скажи, почему это преступление?

Когда Ши Чуся высунул алый язычок и мягко коснулся им кончика носа и губ Се Чэньвэя, тот, словно махнув на всё рукой, внезапно резким движением разорвал тонкую одежду на его теле.

Обнажённая кожа мальчика и испуганное выражение в его глазах лишь сильнее разбудили потаённые животные инстинкты, рвущиеся наружу. В глазах Се Чэньвэя сгустилась ночная тьма, а голос стал ещё глубже и тише:

— Так можно? Ты боишься?

Ши Чуся покачал головой, а затем послушно закрыл глаза. Се Чэньвэй не совсем понимал, почему мальчик всем своим видом выражает страх, но при этом произносит:

— Я не боюсь. Мне нравится быть с тобой.

Мальчик даже добавил:

— Делай со мной все, что хочешь.

Се Чэньвэй подумал, что сейчас юноша похож на белоснежного агнца, добровольно приносимого в жертву сатане во время религиозного обряда.

...Позже молодой человек сказал ещё что-то, но Се Чэньвэй уже не мог вспомнить деталей. Неизвестно, было ли это из-за сильного действия лекарства в вине, но он даже перестал различать реальность и сновидения.

Однако в какой бы обстановке это ни происходило, он был уверен, что совершил немало греховных поступков и наговорил немало непристойных слов.

В обычной жизни Се Чэньвэй был человеком, почти лишенным лишних желаний; он даже спал очень мало и часто страдал от бессонницы. Но в ту ночь, после того как он целые сутки предавался необузданным и нелепым утехам, он, вопреки обыкновению, проспал целых шесть часов и очнулся лишь тогда, когда солнце уже полностью поднялось.

Более того, проснувшись, он не почувствовал привычного похмельного недомогания, напротив — ощутил необычайную свежесть и бодрость.

Однако, взглянув на юношу, лежавшего в его объятиях сплошь в красных отметинах и следах их близости, он тут же вспомнил, как тот всю ночь кричал от боли и умолял о пощаде. Внезапно в душе Се Чэньвэя шевельнулось чувство вины и жалости — эмоции, которых в его жизни не было уже много лет.

Юноша еще крепко спал. Его длинные ресницы, распухшие от поцелуев алые губы, безмятежное лицо — все это выглядело так умиротворенно. Се Чэньвэй вдруг поймал себя на желании прикоснуться к нему.

Ему очень хотелось погладить его по лицу. Он вспомнил, что вчера кто-то, кажется, звал его Ши Чуся, и тут же естественным образом подумал о кошачьих ушах, которые видел накануне, и о том, как много лет назад потерял кошку по имени Ши Чуся.

Се Чэньвэй вспомнил, как юноша покорялся ему, и те янтарные глаза — блестящие, словно в них были вставлены линзы, глубокие, как осенние воды, нежные и полные страсти — действительно очень напоминали глаза той кошки из его воспоминаний.

Сердце Се Чэньвэя было в смятении. На мгновение ему вдруг захотелось, чтобы юноша и правда оказался котенком — тогда он, не раздумывая, приютил бы его.

Пока он лихорадочно соображал, что делать, когда мальчик проснется, и какую компенсацию предложить, чтобы загладить свою вину, внезапно зазвонил телефон в комнате.

Звонок заставил спящего юношу нахмуриться. Он перевернулся на другой бок, но так и не проснулся.

Се Чэньвэй быстро ответил на звонок. Это был Се Минъюань. Тот спросил тоном, настолько преувеличенным и неприятным, что у Се Чэньвэя внутри все сжалось:

— Братишка, хорошо повеселился вчера? Как такой неопытный юнец, как Ши Чуся, вообще смог выдержать твою грубость?

Се Чэньвэй молчал.

Се Миньюань продолжал:

— И подумать только, такой спокойный и интеллигентный на вид человек в постели ведет себя так агрессивно! Ты просто открыл мне глаза, это даже похлеще, чем у актеров в островных фильмах для взрослых!

<http://bllate.org/book/27092/3271439>